

УДК 1:316 (Социальная философия)

РАЦИОНАЛИЗАЦИЯ МОДЕРНИЗИРУЮЩИХСЯ ОБЩЕСТВ И ДИСКУРСИВНЫЕ ПРАКТИКИ НОРМАТИВНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

А. П. Климович

Финансовый университет при Правительстве РФ, Липецкий филиал

Поступила в редакцию 27 июня 2019 г.

Аннотация: статья представляет обзор проблемы взаимодействия процесса рационализации модернизирующихся обществ с характером нормативного регулирования. Рассматривается типология дискурсивных практик в перспективе влияния на социальный аспект построения аксиологического нормирования. Обозначены возможные риски социальных патологий, связанных с развитием процесса рационализации в области нормативного регулирования. Кратко анализируются причины возникновения этих патологий, приводится ряд рекомендаций для их преодоления и осуществления гармонизации рационализирующихся обществ.

Ключевые слова: рационализация, модернизация, социальное нормирование, дискурсивные практики, коммуникативное и стратегическое действие.

Abstract: this article provides an overview of the problem of the interaction of the process of rationalization of modernizing societies with the nature of the regulatory framework. The typology of discursive practices is considered in the perspective of influencing the social aspect of axiological rationing. The possible risks of social pathologies associated with the development of the process of rationalization in the field of normative regulation are indicated. A brief analysis of the causes of these pathologies is made, a number of recommendations are given to overcome them and to harmonize rationalizing societies.

Key words: rationalization, modernization, social rationing, discursive practices, communicative and strategic action.

Для немецкого социолога М. Вебера понятие смысла имело ключевое значение, поэтому не случайно именно он стал автором идеи «понимающей социологии». По его мнению, понимающая социология должна быть основана не на количественном, а на качественном анализе. В основу исследования должна быть положена задача понять мотив действующего, исследуемого субъекта, или, другими словами, понять смысл его действия. Однако с определенной точки зрения веберовский подход понимающей социологии проблематичен, так как в процессе исследования неизбежен перенос своего понимания разумного действия, следовательно, велик риск субъективного толкования социологических процессов. Избежать субъективного понимания возможно только лишь в случае, если исследователь в своих интерпретациях будет использовать точно такое же понимание о рациональном, что и акторы, которых он наблю-

дает. В этом случае следует исходить из положения, что разум проявляет универсалистские свойства и его можно идентифицировать во всех социумах и культурах. Рациональные структуры, в принципе, существуют во всех обществах и оказывают особое влияние на всех участников. По этой причине мы сделаем акцент на социальной природе рационального. Обоснование разумного не должно ограничиваться только философской проблематикой, разрешаемой в пределах индивидуума. Ввиду того что разум в полном смысле проявляется исключительно социально, мы должны расширить рассмотрение разумного до масштабов общества.

Дискурсивная этика уже берет начало в кантианской этике долга, поэтому не случайно, что ее нередко интерпретируют в качестве продолжения деонтологической традиции. В перспективе этого подхода предполагается, что этика должна строиться на основании универсального закона, подчиняющего всех без исключения разумных существ. Только такой закон, который может стать всеобщим, имеет право претендовать на статус морального закона. Заметим, что проблема, осознанная критиками Канта, поставившая кантианское учение в разряд идеализированных утопий, формулировалась ими как проблема преодоления субъективизма. Интересно, что один из основателей дискурсивной этики – Ю. Хабермас берется за решение этой задачи с новыми силами, используя в качестве инструмента метод коммуникативного анализа, выходя за рамки чисто философского рассмотрения, переносит этическую проблематику на практический уровень. На вопрос, как человек может удостовериться в возможности действия морального закона за пределами своего представления, ограниченного субъективным анализом, Хабермас отвечает, что барьер субъективизма может быть преодолен только лишь посредством языковой коммуникации, которая лежит в основе коммуникативного дискурса.

И действительно, функционирующий как моральный принцип кантианский категорический императив должен реконструироваться дискурсивно. Этическая реконструкция должна проходить таким образом, что предполагаемые максимы собственного действия должны проверяться на всеобщность не монологическим тестированием или ограниченным кругом экспертов, а всеми возможными участниками, которые к этой проверке могут иметь отношение. Только в случае единодушного согласия и взаимопонимания норма может претендовать на универсальную действительность. Дискурсивная этика является способом для реализации практического дискурса, который должен регулировать «проверку действительности предложенных и гипотетически взвешиваемых норм» [1, с. 113]. Как таковая она представляет наглядный пример формальной процессуальной этики, тесно связанной с этикой кантианства.

Социально-философская теория действия должна отличаться от традиционной теории действия, рассматриваемой в классической философии рядом обстоятельств. Во-первых, социально-философская теория позволяет понять действие как процесс реализации планов, которые осуществляют акторы, опираясь на понимание ситуации. Во-вторых, при-

нимается во внимание, что акторы обладают пропозиционально структурированным знанием, выражающим их интерпретативное отношение к ситуации. И, в-третьих, делается предположение, что знания акторов должны, по крайней мере, в некоторых областях пересекаться. Аналогичное отношение можно вывести между формальной логикой и логикой дискурса. В то время как формальная логика исследует обоснования выводов в аспекте отношения к истинности, логика дискурса направляет свое внимание на формальные черты аргументативного контекста. Между тем формальная логика также анализирует структуру аргумента, но понимает под «аргументом» дедуктивную структуру из предпосылок и выводов. В дискурсивной логике аргумент является «обоснованием, которое должно мотивировать признание притязания на значимость утверждения или заповеди» [2, S. 162].

Наблюдение за тем, что люди делают, когда общаются между собой, привело к возникновению формальной грамматики, в которой изучаются универсальные структуры языка. Предложенная Д. Серлом и Д. Остиным теория языкового действия рассматривает высказывание человека именно как действие, причем делая акцент не на том, что человек выражает, а на том, как он это делает, т. е. внимание направляется не на содержание высказывания, а на акт самого высказывания. Если в этом мире люди, общаясь между собой, высказывают что-то друг другу, то подразумевается, что высказывающийся имеет определенный кредит доверия у слушающего, в том смысле, что слушающий предполагает готовность говорящего предоставить аргументированное обоснование того, что тот в данный момент высказывает. Или, другими словами, у говорящего имеется притязание на то, что его высказывание верно. В связи с этим абсолютно логичным кажется введение понятия притязания на значимость. При этом посредством усиления ориентирования на языковые акты возможно осуществление необходимой систематизации различных видов притязаний. Рационально мотивированная (да/нет) реакция на языковые акты здесь выступает в качестве критерия их типологизации. Таким образом, слушатель обозначает, какие высказывания могут быть им приняты, а какие отвергнуты. В соответствии с классификацией Серла высказывания соотносятся с притязаниями на значимость, и на ее основе развитая Хабермасом типология утверждает, что каждый речевой акт предполагает отношение к трем видам притязания на значимость, а именно – притязание на значимость истины, правоты и правды. Речь идет о конститутивной идеализации нашей практики, без которой мы не могли бы понять друг друга. Понимание основывается на том, что участники верят, что говорящий при необходимости может обосновать им выдвинутые притязания на значимость. В случае если выражение выдерживает критику, оно должно быть акцептировано. Оспаривание некоторого, выдвинутого в коммуникативном действии притязания на значимость приводит к созданию собственного легитимационного дискурса, который формируется посредством принадлежащей ему аргументативной логики. При этом выяснение претензии на истинность выска-

звания приводит к теоретическому дискурсу, а выяснение претензий на правильность – к практическому дискурсу. Претензия на правдивость отличается от двух предыдущих тем, что не может быть разрешена аргументативно, но должна быть наглядно продемонстрирована.

Вебер показал, что рациональность заложена в фундаментальной структуре общества. Процесс общественной рационализации, по мнению Хабермаса, подразумевает общественное развитие, утверждающееся путем разворачивания коммуникативной рациональности. При этом постановка вопроса о том, каким образом коммуникативный разум определяет социальную эволюцию, занимает центральное положение. Очевидно, что общество репродуцирует себя не на основании того, что человек имеет четкое представление о надлежащих общественных структурах, которые он воплощает в жизнь. Таким образом, процесс эволюции не является само собой разумеющимся следствием рационального действия акторов и требует объяснений. Одновременно для объяснения современного общественного развития предыдущие теории рационализации были бы слишком абстрактны и не могли бы в достаточной степени раскрыть механизм репродукции современного общества. Для того чтобы дать убедительное обоснование этому процессу, необходим промежуточный переход от теории рационализации к теории действия, который бы мог соединить логику индивидуального поведения и логику динамики общества.

Перемещение наблюдения с уровня индивидуальной рациональности на уровень социального масштаба может быть осуществлен путем обнаружения процесса встраивания в коммуникативную практику обязанности обоснования, которое высказывающийся в случае необходимости должен предоставить слушателю. Такая обязанность обоснования выполняет координирующую роль между участниками дискурса.

Таким образом, коммуникативное действие выражает не только интеракционную форму, через которую акторы выстраивают поведение, направленное на достижение своих целей, но и выполняет функцию репродукции общественных структур. Без индивида не существует общества, точно так же, как без общества немислим индивид. То есть индивид осуществляется посредством интересубъективного признания [3, S. 208]. Раннее общество, интегрированное мифологией, репродуцировало себя посредством ритуальных практик, конвенциональная природа которых имела сакральные корни. Ритуальные соглашения, покоящиеся на табуизировании их анализа, время от времени подвергавшиеся эмпирическому диссонансу, рано или поздно должны были попасть в фокус критического рассмотрения. Несоответствие желаемых результатов тем последствиям, которые в реальности следовали за проведенными ритуальными мероприятиями, приводили к необходимости изменения представлений о значении этих мероприятий. Несмотря на методичное исполнение ритуала жертвоприношения в пользу бога дождя, случавшаяся на практике засуха заставляла людей корректировать свою убежденность в действенности этого ритуала. Решающее значение заключалось в том, каким именно образом люди могли подвергнуть корректировке

свои убеждения. Так как новая интерпретация должна была стать основой будущего социального действия, людям необходимо было оповестить друг друга о своем новом понимании значения ритуала, подвергнутого сомнению. Таким образом, динамика развития, поддерживаемая внешними обстоятельствами, приводящими к разочарованию в эффективности ритуальной практики, приводила к изменению ее понимания, в свою очередь, новое понимание определяло дальнейшую динамику. В данном случае можно сказать, что логика развития определялась логикой понимания. Участники событий, связанные интердепендентными отношениями, касательно своих убеждений оказывались во взаимозависимой позиции.

Этот процесс Хабермас, например, называет «проговариванием сакрального». Табу теряет свою силу, и всё больше областей общественной жизни попадают в разряд потенциально критикуемых сфер. Коммуникативный разум реконструируется посредством коммуникативного действия, основанного на взаимном понимании. Ключевым моментом является тот факт, что необходимый уровень понимания достигается не обращением к мифу или традиции, а на основании автономного акцептирования или отклонения взаимных претензий на значимость.

Потенциал разумности, вложенный в языковое действие, может быть в полной мере реализован в том случае, если конструируемые внутри языка картины мира будут осознаны как интерпретативные толкования и смогут быть просматриваемыми с позиций разных перспектив наблюдения. Другими словами, необходимо осознание того, что мир есть нечто, что в принципе может быть подвергнуто критике. Именно это осознание привело общество к возможности критического анализа мифологии и постепенному вытеснению ритуальных практик дискурсивными.

Таким образом, процесс рационализации сопровождается вытеснением сакрального знания, на место которого вступает обоснованное, подтвержденное эмпирически, претендующее на значимость специальное знание, однако при этом сохраняется разделение легального и морального. Между тем необходимо отметить, что обязательным фактором рационализации становится универсализация морали и права, с одновременно возрастающей степенью индивидуализации автономии и требованием самореализации [ibid., S. 164].

В перспективе анализа веберовской методологии рационализация приводит к значительному выигрышу индивидуальной автономии, что, в свою очередь, угрожает процессами социальной связанности и повышением рисков дезинтеграции. В перспективе аналитики коммуникативных процессов мы обнаруживаем, что рационализация привносит не только новую волну рисков и дезинтегративных процессов, но и в ней самой заложены механизмы решения и преодоления возникающих проблем. То есть при правильном подходе рационализация сама может выступать в качестве инструмента нейтрализации социальных патологий.

Как указывалось выше, языковая коммуникация базируется на притязании на значимость, при этом притязанию на значимость правоты

соответствует социальный мир, притязанию на истинность – мир объективный. В соответствии с такой типологией возникает возможность разделения самого действия на два принципиально различных класса. Действие, ориентированное на взаимное понимание, и действие, направленное на реализацию индивидуального плана или, как по-другому его называют, на успех, – ориентированное действие. Цели, преследуемые действием, подразделяются на две группы: цель достижения взаимопонимания и цель достижения успеха. Стоит отметить, что обе цели по своей природе взаимоисключаемы, однако это не означает, что цель взаимопонимания не подразумевает реализацию плана. Только здесь план рассматривается не как реализация эгоистического индивидуального намерения, а как достижение целей, предусматривающих учет интересов другого, и способности, связанной с этим обстоятельством корректировки своих собственных планов. Таким образом, различают два типа социального действия: коммуникативное и стратегическое. Коммуникативное действие происходит в контексте планов как минимум двух персон, направлено на достижение взаимного понимания между ними. Такое действие построено на совместном координировании своих намерений, в зависимости от прояснения и понимания противоположных позиций. В коммуникативном действии измеряется «соответствующее нацеленное понимание на интерсубъективное признание притязания на значимость [2, S. 68]. Стратегическое действие направлено на достижение индивидуального успеха. В реализации такого типа действия решающее значение имеет степень доступа актора к ресурсам. Именно факт наличия приоритета относительно других участников дискурса (например, наличие приоритета власти или доступа к финансовым ресурсам) обеспечивает успешное достижение преследуемой актором индивидуальной цели. Реализуя стратегическое действие, актор поступает, не взирая на интересы и потребности другого, принимая во внимание лишь возможности, обеспечиваемые доступом к ресурсам. В стратегическом действии акторы стремятся «взять свои цели за ориентир и пытаются оказать влияние на решения других акторов» [3, S. 131].

Достижение взаимопонимания в современном обществе, в котором наряду с рационализацией проходят процессы дифференциации и индивидуализации, становится всё более затруднительно. Расширение спектра возможностей самореализации, растущее разнообразие индивидуальных точек зрения приводят к необходимости более длительных и аргументированных дискурсов. Акторы, перед которыми стоит задача достижения определенного уровня взаимопонимания, должны подвергать всё более внимательному и масштабному изучению противоположных точек зрения партнеров по коммуникации.

Процесс рационализации сам по себе выдвигает требования повышения эффективности по отношению ко всем действующим лицам, направляя их поведение на оптимизацию расходования ресурсов. В условиях прогрессирующей экономии достижение консенсуса взаимопонимания, требующего всё большего количества времени и внимания участников,

кажется еще более проблематичным. Общество, чувствительное к эффективному использованию ресурсов, во многих случаях не может рассчитывать на достижения между акторами взаимопонимания, так как для решения любой поставленной задачи в современном мире отводится строго ограниченное количество времени, и возможности использования прочих ресурсов, например, открытого пространства, телевидения, прессы, интернета также ограничены. Таким образом, в рационализирующемся обществе, по крайней мере, в определенных сферах, возникает целесообразность освобождения от критерия высокого уровня взаимопонимания. В ряде случаев оказывается оправданным отказ от требований достижения взаимопонимания.

Одним из таких механизмов освобождения от балласта достижения взаимопонимания становится право. В современном обществе решение споров исключительно на основании механизма коммуникативного действия было бы затруднительным. Акторы, опирающиеся в поиске путей решения лишь на взаимопонимание, едва ли смогли бы решить все возникающие в обществе задачи, связанные с проблемой конфликтов. В ряде случаев более эффективным оказывается альтернативный механизм, не предъявляющий требований установления добровольного консенсуса понимания относительно спорных вопросов. Этот весьма обширный ряд ситуаций подвергается регулированию исключительно при помощи правового механизма. Современное право без опоры на взаимопонимание способно регулироваться при помощи стратегического действия. Так, оставаясь в рамках коммуникативного действия, акторы следуют в соответствии со своими мотивами, которые в процессе поиска взаимопонимания подвергаются корректировке интересами других участников. Выходя за рамки взаимопонимания, акторы начинают действовать стратегически. В таких ситуациях они должны считаться с рисками принуждения санкционированием, определяемым правовой системой.

Так в современном обществе в широком спектре ситуаций осуществляется интеграционный процесс. Однако интеграция не ограничивается исключительно стратегическим механизмом, без поддержки коммуникативного действия интеграция была бы невысказима. Итак, современное право является типичным регулятором стратегического действия, принципиально отличным от действия коммуникативного. Последнее, будучи построенным на механизме понимания, не может быть объектом регуляции права.

Такие феномены, как убеждения, чувство солидарности, представления о прекрасном, могут быть регенерированы только посредством механизма понимания. Например, смысл не может быть предписан, он может быть только понят. Общественный порядок не может осуществиться без веры в легитимность власти, на основании только одной лишь силы принуждения. Такие компоненты человеческого бытия, как культура, общественное пространство, индивидуальность, могут быть репродуцированы только посредством коммуникативного действия.

Между тем материальное производство не включает обязательного наличия механизма взаимопонимания. Репродукция материального мира достигается здесь не средствами языкового понимания, а использует альтернативные неязыковые коммуникативные медиа. В современном мире функцию неязыковых коммуникативных медиа в экономике выполняют деньги, а в политике – административная власть.

Так, в процессе административного регулирования полицейскому необязательно добиваться от нарушителя общественного порядка понимания и одобрения своих действий. Полицейский руководствуется исключительно наличием факта нарушения закона. Аналогично в процессе экономического товарообмена продавцу необязательно объяснять покупателю, почему цена на его товар сегодня имеет более высокое значение, чем вчера. Для заключения сделки не обязательно достижение состояния взаимного понимания. Итог сделки будет определяться лишь обстоятельством конкурентоспособности предлагаемой цены. Несмотря на то что в обоих примерах взаимопонимание может быть не достигнуто, всё же и административное управление, и экономика успешно репродуцируют себя.

В процессе модернизации общества от жизненного мира, в котором доминирует коммуникативное действие, постепенно отделяется система, включающая в себя область экономики и административного управления. Системные процессы, репродуцируемые на основе стратегического действия, достигая внушительную степень эффективности, имеют тенденцию распространения, и в ряде случаев просматривается тренд вытеснения этими процессами менее эффективных, не приносящих сиюминутный результат коммуникативных действий. В некоторых случаях этот процесс следует диагностировать как социальную патологию. Хабермас называет его «колонизацией системой жизненного мира». О. Вербилович описывает этот процесс как гарантию социального взаимодействия, обеспечивающую стабильность и устойчивость формы, подчиняющий себе мир смыслов и значений, возникающий в интерсубъективной повседневной коммуникации, при этом подменяя процесс согласования общих целей процессом манипулирования и подчинения [4, с. 41]. Тезис колонизации можно сформулировать в сопоставлении с веберовской концепцией потери свободы. Вебер утверждает, что процесс рационализации неизбежно приводит к возникновению бюрократического аппарата, что, в свою очередь, делает невозможной автономию жизни человека в обществе. Однако практика современного мира показывает, что такие последствия рационализации возникают не всегда, а только при условии, когда система государства и система экономики пересекают определенные границы.

Вебер видел причину потери индивидуальной свободы и подчинения индивидуума системе в проявлении фундаментальных основ процесса рационализации. По его мнению, например, уже сама государственная политика, направленная на преодоление кризисов, как, впрочем, и вся динамика капиталистического развития, являлась основанием обозначенных социальных патологий. Всё же такой фаталистический подход

можно считать преувеличением, поскольку оказывается, что причиной патологий служит не сам процесс рационализации, но лишь особая форма его протекания. В данном случае речь идет о смещении акцентов в сторону культа функционализма. Если техническая эффективность становится самоцелью и достигает степени единственного критерия оценки рационализации, тогда понимание того, чего мы хотим, становится избыточным и ненужным. Возникает естественное вытеснение коммуникативного действия стратегическим, ослабевает необходимость согласования общих целей, логика консенсуса уступает логике эффективности, оправдывающей использование механизмов манипулирования и подчинения. Доведение до крайности принципа функционализма завершается провозглашением тезиса: то, что не квантифицируется, не просчитывается, а то, что не просчитывается, не может быть предметом дискуссии. Слепая увлеченность количественными методами приводит к неоправданному пренебрежению качественным анализом. Потеря свободы возникает, если в обыденном понимании пропадает осознание того, что процесс рационализации не должен ограничиваться вопросами поиска истины и соответствия ее с объективным миром. Он должен быть неразрывно связан с аксиологическими вопросами морали и эстетики. Аналогичная ситуация возникает и в отношении веберовского тезиса о потере смысла. С точки зрения коммуникативного анализа и здесь не стоит занимать столь радикальную позицию. Применяя вышеописанную методологию, следует сделать вывод, что потеря смысла не является неизбежным следствием развития логики рационализма. Обозначенная патология возникает, если модернизирующееся культурное знание расщепляется и замыкается в партикуляризованной профессионально-экспертной среде. Такое знание, не подвергаясь публичному обсуждению, не только не обогащает жизненный мир, но, напротив, приводит к его обеднению и возникновению фрагментарного обыденного сознания. Сам процесс просвещения отстает перед фрагментирующим сознание механизмом колонизации жизненного мира [3, S. 522].

Подытоживая рассмотрение общих положений процесса модернизации с точки зрения методологии коммуникативного анализа, необходимо отметить, что в этой перспективе для проекта модернизации большое значение имеет публичное пространство. Мы приходим к выводу, что реализация автономного жизненного мира возможна, если модернизация не ограничивается только технической рационализацией и развитием объективированной науки, но включает в себя область эстетики и морали. Противоречия демократии и капитализма могут быть преодолены только тогда, когда существует институционально подкрепленный процесс построения общественного мнения. В осуществлении этого процесса и состоит центральная функция правового государства. Между тем стоит отметить, что закон должен гарантировать процесс открытого дискурса, создавая правовые рамки публичного пространства, однако содержание самого дискурса должно оставаться свободным. Оно должно регулироваться не правовым, а моральным способом, реализуемым этикой дискурса.

Обобщая размышления, можно прийти к заключению, что процесс рационализации, оказывая влияние на характер нормативного регулирования, одновременно сам нуждается в определенном дополнении этической перспективой. Открывая табуированные нравственные константы на уровне социального масштаба, рациональное суждение, реализуясь в общественной коммуникации, создает открытую платформу морального дискурса. Таким образом, рационализация, используя дискурсивные практики, генерирует различные нормативные стратегии и одновременно становится эффективным инструментом для их оценки.

Для осуществления социального регулирования требуются расширение коммуникативного процесса, реализация в общественном пространстве обязательного наличия нормативного дискурса. Для этого необходимо существование института открытого и публичного обмена, который, являясь символическим пространством для всесторонних критических оценок, гарантирует независимость аксиологических суждений. Обеспечивая отсутствие регулирующей инстанции в качестве внешней, подчиняющейся цели, постулирует моральность как самоцель. Такой институт должен осуществлять возможность любой общественной дискуссии, постановки любого неудобного вопроса. Переводя его в пространство публичной коммуникации, делать предметом всестороннего общественного рассмотрения.

Организованное таким образом общественное пространство конституирует нормативный дискурс как всегда открытый для продолжения, исключает наличие авторитарной инстанции фиксирующей моральную истину. Любое этически верное представляется как результат взаимодействия аргументов, и пространство дискурса никогда не закрывается от возможности возникновения новых обстоятельств. Моральная истина должна быть всегда готова защищать себя от последующего аргумента. Непредсказуемость результата нормативного дискурса воплощает в себе новую типологию морального обоснования. Принципиальная незаконченность дискурса, предполагающая наличие еще не известных, закрытых покровом будущего аргументов, обеспечивает его недосказанность. Потаенное возвращается в форме непрерывно раскрывающегося и принципиально непредсказуемого будущего. Таким образом, классическая потаенность, опирающаяся на статический фундамент апелляции к авторитету, сменяется динамической потаенностью, берущей начало в механизме беспредельного раскрытия тайны.

На основании сказанного мы приходим к выводу, что рационализация органически предполагает установление специфических структур в области аксиологического регулирования социальной среды. Свойственный для вступившего на путь модернизации общества процесс рационализации, опираясь на аргументативные практики, должен подвергать трансформации и характер нормативного обоснования. Оказывая влияние на формирование социального пространства, этот процесс инициирует развитие в обществе морального дискурса, основанного на принципе публичного коммуникативного действия.

Таким образом, демократический принцип свободы слова несет в себе не только политическую функцию, обеспечивая равные шансы претендующим на власть кандидатам, но и оказывается непосредственно связанным с нравственной жизнью человека. В модернизирующемся обществе свобода слова выступает как основа нравственности, гарантия беспартийности моральной истины. В такой конструкции авторитет принадлежит лучшему аргументу, который в любой момент может быть опровергнут новым, более убедительным аргументом. В условиях стремительно развивающегося модерна подобная самоуправляемая модель нормирования выглядит значительно устойчивее и жизнеспособнее, чем классическая модель авторитета фиксированной нравственной инстанции. Отсюда можно предположить, что в тех модернизирующихся обществах, в которых свобода слова не соответствует степени модернизации, следует ожидать проблемы не только на политическом уровне, но и на нравственном. Свобода слова выступает в качестве основы нравственности, одновременно ее отсутствие приводит к нравственному упадку. Государственная пропаганда, основанная на притеснении свободы слова, при наличии альтернативных информационных каналов, свойственных модернизирующемуся обществу, не может быть реализована в виде официальной ценностной доктрины. В конечном итоге она приводит не к установлению общественного консенсуса, а к формированию двойных стандартов, воспринимается как публичный обман, акцептируемый общественным большинством. На этом фоне происходит нравственная дискредитация как государственной системы общественного бытия, так и отдельного человека, принимающего такое положение вещей, что в свою очередь оборачивается этическим пессимизмом и общей культурной нравственной деградацией.

Литература

1. *Habermas J. Moralbewußtsein und kommunikatives Handeln / J. Habermas.* – Frankfurt am Main : Suhrkamp, 1983. – 208 S.
2. *Habermas J. Vorstudien und Ergänzungen zur Theorie des kommunikativen Handelns / J. Habermas.* – Frankfurt am Main : Suhrkamp, 1984. – 607 S.
3. *Habermas J. Theorie des kommunikativen Handelns : In 2 Bände / J. Habermas* – Frankfurt am Main : Suhrkamp, 1988. – Band 2: Zur Kritik der funktionalistischen Vernunft. – 640 S.
4. Публичная сфера : теория, методология, кейс стадии : колл. монография / О. Вербилович [и др.] ; Тюменский гос. ун-т. – М. : ЦСПГИ, 2013. – 360 с.

*Финансовый университет при Правительстве РФ, Липецкий филиал
Климович А. П., сотрудник Лаборатории по изучению Больших Данных
E-mail: allexgut@gmail.com*

*Financial University under the Government of the Russian Federation, Lipetsk Branch
Klimovich A. P., Researcher of the Big Data Laboratory
E-mail: allexgut@gmail.com*